

572

РУССКАЯ СТАРИНА

RUSSKAJA STARINA //

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ

6
"1872"

1785

34

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

1872 г.

ТОМЪ VI.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, (Большая Садовая ул., д. № 49—2).

1872.

ЗАПИСКИ И. П. ЛИПРАНДИ.

Отъ редакціи. Представляя отрывокъ изъ записокъ г. Липранди, мы просимъ читателей не забывать, что «Русская Старина» есть не болѣе какъ сборникъ, котораго задача сохранить на своихъ страницахъ документы, имѣющіе значеніе въ новѣйшей исторіи русскаго государства или общества, или характеризующіе тѣхъ или другихъ общественныхъ дѣятелей. Такъ-называемое «Дѣло Петрашевскаго» — независимо отъ вопроса: имѣло-ли оно, по своей сущности, какое-либо значеніе — по времени своего возникновенія и по глубокому слѣду, имъ оставленному въ мѣропріятіяхъ правительства съ 1848 по 1855 годъ, имѣетъ очень важное значеніе. «Мнѣніе» г. Липранди, по собственному его изъясненію, дало этому дѣлу трагическій исходъ, и слѣдственно было исходною точкою многихъ, весьма памятныхъ распоряженій въ области народнаго просвѣщенія, относительно университетовъ, гимназій, также военно-учебныхъ заведеній, по цензурѣ и т. д. Отсюда понятно, что «Мнѣніе» г. Липранди есть уже историческій документъ, котораго не обойдетъ будущій историкъ Россіи — и мы не можемъ не быть признательными г. Липранди за его сообщеніе.

Замѣчанія, помѣщенные въ «Мнѣніи» г. Липранди, написаны не теперь, а были включены въ оное при представленіи въ августѣ 1849 г. Ред.

Собраніе свѣдѣній о Петрашевскомъ, по высочайшему повелѣнію, началось въ мартѣ 1848 года. Министру внутреннихъ дѣлъ (такъ какъ онъ первый доставилъ извѣстный литографированный листокъ, розданный въ дворянскихъ собраніяхъ нѣкоторымъ членамъ), приказано было по этому случаю съестись съ шефомъ жандармовъ, для надлежащаго разъясненія содержанія и смысла литографированной рѣчи. Вслѣдствіе чего, по обоюдному ихъ согласію, собраніе этихъ свѣдѣній было возложено на меня, и послѣдній присовокупилъ: «чтобы мои не знали во избѣжаніе столкновенія»¹⁾. Я согласился на при-

---

¹⁾ Это желаніе графа А. Ѳ. Орлова ставило меня въ крайне-неловкое положеніе въ отношеніи къ Л. В. Дубельту: съ нимъ мы были съ 1812 г. соштабниками 6-го корпуса Дохтурова, я, въ должности оберъ-квартирмейстера, а онъ — старшаго адъютанта, избраннаго начальникомъ штаба Ф. Ф. Монахинимъ (смертельно раненымъ при Бородинѣ), для занятія подъ его глазами относительно распоряженія движенія — гдѣ долженъ былъ неотвѣнно находиться и я. Съ тѣхъ поръ мы сохранили взаимное дружеское расположеніе. Находясь же въ Петер-

ягіе этого порученія, съ тѣмъ только условіемъ, чтобы все то, что будетъ мною собираемо, я представлялъ записки министру внутреннихъ дѣлъ, какъ въ существѣ министру полиціи государства, и въ вѣдѣніи котораго я служилъ; такъ это и продолжалось во все время, т.-е., до 20 апрѣля 1849 г., когда признано было мнѣ передать все дѣло Л. В. Дубельту съ четырьмя именными списками лицъ, болѣе или менѣе принадлежавшихъ къ обществу, съ отиѣтами противъ каждаго степени ихъ участія и пр., для произведенія, по усмотрѣнію шефа жандармовъ, одновременнаго ареста, безъ всякаго уже съ моей стороны участія.

Арестъ произведенъ былъ въ 6 часовъ утра, 23-го апрѣля, двадцати съ чѣтырью лицъ. Найденныя при этомъ нѣкоторыя бумаги вызвали учрежденіе двухъ комиссій: одна, слѣдственная, подъ предсѣдательствомъ ген.-ад. Набокова; членами оной: князь П. П. Гагаринъ, князь В. А. Долгоруковъ, Я. И. Ростовцовъ и Л. В. Дубельтъ. Другая комиссія, также въ вѣрности, для разбора громаднаго количества бумагъ (и частію книгъ), взятыхъ у арестованныхъ лицъ, и отобранія для препровожденія въ слѣдственную комиссію тѣхъ изъ оныхъ, которыя болѣе или менѣе относились къ разсматриваемому дѣлу. Комиссія эта находилась подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря князя А. Ѳ. Голицына; членами были служащіе въ III отдѣленіи собственной его императорскаго величества канцелярш тайный совѣтникъ А. А. Сагынскій и дѣйствительный статскій совѣтникъ А. Б. Федерштернъ. Отъ министерства же внут-

бурга съ 1840 года, старинная связь еще болѣе укрѣпилась; сверхъ того въ то самое время, когда послѣдовало рѣшеніе о собраніи свѣдѣній о Петрашевскомъ, года два предъ тѣмъ, и особенно въ то самое время, я ежедневно, а иногда и по два раза въ день видѣлся съ Л. В. въ III отдѣленіи, гдѣ, по высочайшему повелѣнію, содержались нѣсколько австрійскихъ раскольниковъ и на меня возложены спросы ихъ и слѣдствіе. Къ этому должно присоединить еще и то, что въ разныхъ слѣдственныхъ комиссіяхъ подъ моею предсѣдательствомъ, находились у меня постоянно два-три жандармскихъ штабъ-офицеровъ, проводившихъ очень часто цѣлый день. И при такой-то обстановкѣ я долженъ былъ сдерживать себя не разъ въ разговорѣ по подобнымъ дѣламъ. Вечеромъ, 20 апрѣля 1849 года, когда графъ, пригласивъ меня и Л. В. къ себѣ, передалъ высочайшую волю о прекращеніи мною дальнѣйшаго веденія дѣла, и о передачѣ его въ III отдѣленіе, для разсмотрѣнія и дальнѣйшаго распорядженія, а Л. В. Дубельту для немедленнаго исполненія и пр., послѣдній былъ пораженъ какъ громомъ: во-первыхъ, что графъ таилъ болѣе года предметъ, прямо принадлежащій III отдѣленію (здѣсь, по стекшимся обстоятельствамъ, графъ остался во всемъ безупречнымъ), а во-вторыхъ, что я, по испытанной 37-лѣтней взаимной дружбѣ, не сообщилъ ему своего порученія. Въ каретѣ я ему объяснилъ, какъ это все сложилось, и онъ созналъ, что въ такихъ обстоятельствахъ поступилъ бы точно также, если бы ему объявилъ такое молчаніе мой прямой начальникъ. Къ пяти часамъ утра, все дѣло съ поясненіями было мною передано, и раннимъ утромъ, 23 апрѣля, въ одно время, послѣдовалъ арестъ. Это столкновеніе отнюдь не ослабило нашихъ взаимныхъ отношеній (несмотря на то, что были лица, искавшія пропустить между нами черную кошку), что свидѣтельствуется значительнымъ числомъ писемъ, въ особенности же изъ его деревни, когда онъ оставилъ занимавшееся имъ мѣсто, — особенно замѣчательными и пр. И. Л.

ренныхъ дѣлъ — я. И такъ какъ для обширной канцелярской переписки не было никого, то князь А. Ф. поручилъ мнѣ частнымъ образомъ просить у Л. А. Перовскаго двухъ чиновниковъ, которыхъ сей послѣдній тотчасъ и приказалъ мнѣ, изъ числа находившихся при моихъ занятіяхъ, избрать двухъ; вслѣдствіе чего я и назначилъ палатнаго совѣтника И. П. Юрасова и коллежскаго ассессора П. Н. Ильющенко; сверхъ того г. министръ, узнавъ, что двѣ комнаты, назначенныя для комиссіи, были совершенно пусты, приказалъ отправить всю необходимую мебель и двухъ унтеръ-офицеровъ, болѣе надежныхъ изъ находившихся при разныхъ слѣдственныхъ и другихъ комиссіяхъ, бывшихъ въ то время подъ моихъ предсѣдательствомъ.

Предъ окончаніемъ разбора взятыхъ бумагъ, предсѣдатель слѣдственной комиссіи ген.-ад. Набоковъ, съ разрѣшенія Л. А. Перовскаго, пригласилъ меня въ комиссію, гдѣ князь П. П. Гагаринъ сообщилъ мнѣ, что производство слѣдствія почти окончено, но для заключенія онаго комиссіа признала не лишнимъ узнать мой взглядъ на сущность этого дѣла, какъ лица, имѣвшаго оное въ продолженіе болѣе года подъ своимъ руководствомъ и проч., и проч. Я отвѣчалъ, что готовъ исполнить желаніе комиссіи, но какъ не будучи членомъ оной, почитаю себя не въ правѣ сдѣлать это безъ разрѣшенія прямого моего начальника, министра внутреннихъ дѣлъ, что не всѣми однакоже членами было признано основательнымъ, однакоже послѣдовало о томъ отношеніе къ Л. А. Перовскому. Написанное мнѣніе представлено было мною моему начальнику, который и отправилъ оное чрезъ военнаго министра въ помянутую комиссію. Въ мнѣніи моемъ я вынужденъ былъ включить нѣкоторые какъ бы отвѣты на сдѣланные мнѣ однимъ изъ членовъ замѣчанія относительно составленія заговоровъ и проч.

И. Л.

10 марта 1872.

Мнѣніе, представленное д. с. с. И. П. Липранди по требованію высочайше учрежденной комиссіи надъ злоумышленниками.

17 августа 1849 г.

....За симъ, по поводу упомянутому мною при поясненіи на донесеніе подъ № 15¹⁾, считаю долгомъ войти въ нѣкоторыя подробности касательно моего взгляда на дѣло, въ продолженіе года находившееся подъ моихъ направленіемъ. Взглядъ этотъ, по новости для меня подобныхъ дѣлъ, могъ быть не вполне вѣренъ; но будучи убѣжденъ въ его справедливости, я естественно основывалъ на немъ всѣ

¹⁾ Ни одно изъ лицъ, арестованныхъ по указаніямъ въ моихъ донесеніяхъ, не было мнѣ лично извѣстно, ни прежде, ни послѣ, до сихъ поръ; если я и былъ чиновникомъ министерства полиціи, и сверхъ того уполномоченный шефомъ жандармовъ, но сознаюсь откровенно, что находилъ предосудительнымъ влючать то, что въ бесѣдахъ съ нѣкоторыми я могъ прозрѣвать. Другой можетъ быть и исполнилъ бы это, но для меня не было силы, которая могла бы покорить мои убѣжденія. Я не былъ подготовленъ къ подобнымъ дѣйствіямъ...

И. Л.

мои дѣйствія, почему и вмѣняю себя въ обязанность почтительнѣйше изложить теперь общее мое мнѣніе о сказанномъ дѣлѣ, съ нѣкоторою подробностію.

Во все то время, какъ я занимаюсь наблюденіемъ по этому дѣлу, тѣмъ болѣе проникалъ я въ его подробности, тѣмъ болѣе казалось мнѣ, что оно никакъ не могло ограничиваться тѣми только данными, которыя представлялись здѣсь въ Петербургѣ, въ томъ кругѣ людей и дѣйствій, которые были непосредственно слѣдимы и наблюдаемы мною ¹⁾, ибо:

1) Я никакъ не могъ остаться при мысли, чтобы злоумышленное общество, даже и здѣсь, состояло изъ тѣхъ только людей, которыхъ

¹⁾ Здѣсь прежде всего полагаю необходимымъ объяснить, что не я открылъ, а еще менѣе, какъ молва говорить, донесъ о существованіи розсыиваемаго общества... Это происходило слѣдующимъ образомъ: въ началѣ марта 1848 года разнесся слухъ, что Петрашевскій роздалъ многимъ какую-то литографированную записку вреднаго, или по крайней мѣрѣ сомнительнаго содержанія. Получивъ приказаніе его сіятельства министра внутреннихъ дѣлъ — стараться достать экземпляръ этой записки, я не встрѣтилъ къ тому большого затрудненія, такъ какъ записка эта была роздана на выборахъ многимъ дворянамъ. Содержаніе записки не могло не обратитъ вниманія г. министра, и она тотчасъ же была препровождена къ его сіятельству шефу жандармовъ, который равно мѣрно усмотрѣлъ важность ея содержанія и оба они замѣтили, что это должно быть плодомъ тайнаго, обдуманнаго предначертанія. Тогда только, около 10 марта, по взаимному соглашенію ихъ сіятельствъ (гр. Л. А. Перовскаго и гр. А. Ф. Орлова), возложено было на меня собрать свидѣнія о Петрашевскомъ. И тутъ я не встрѣтилъ ни малѣйшаго препятствія, ибо оказалось, что всѣ благомыслящіе знали Петрашевскаго за вольнодумца въ полномъ значеніи этого слова, рассказывали о немъ множество анекдотовъ и, между прочимъ, указывали на изданную имъ, подъ именемъ Кирилова, книгу (Карманный Словарь иностранныхъ словъ, входящихъ въ составъ русскаго языка. С.-Петербургъ, 1846 года и проч., и проч., первый выпускъ былъ въ 1845 году до буквы М, а второй, болѣе замѣчательный дерзостью, въ 1846 году до буквы О включительно), книгу, которая, по напечатаніи и выпускѣ въ продажу, отобрана была изъ лавокъ, подъ рукою, по распоряженію цензурнаго комитета, замѣтившаго всю преступность ея содержанія и направленія, при чемъ издатель остался безъ всякаго за то преслѣдованія, не спрошено было даже и о лицахъ, доставлявшихъ статьи, отличающіяся такими дерзостями, какія у насъ едва-ли когда бывали не только въ печати, но и въ рукописяхъ, пускаемыхъ въ общее употребленіе и т. д. Не трудно было также узнать, что у него, въ продолженіе уже нѣсколькихъ лѣтъ, бываютъ постоянныя, по пятницамъ, собранія, на которыхъ, по выраженію простолудиновъ, онъ пишетъ новые законы. Тогда уже я образовалъ настоящее наблюденіе за этими собраніями, и мнѣ приказано было непременно проникнуть въ нихъ путемъ введенія какого-либо благонадежнаго лица. Кто обращался съ подобными дѣлами, тотъ знаетъ съ какими затрудненіями это послѣднее со-

агентъ мой видѣлъ и слушалъ въ собраніяхъ Петрашевскаго въ послѣднія шесть пятницъ. Это казалось мнѣ невозможнымъ уже потому одному, что въ тѣхъ собраніяхъ каждый разъ являлись новыя лица и притомъ изъ разговоровъ ихъ было видно, что съ ними въ большей или меньшей прикосновенности находились разные люди, которыхъ въ эти шесть пятницъ на лицо не было. Сколько же еще могло быть и такихъ, о которыхъ въ присутствіи агента не было случая упоминать? Притомъ агентъ доводилъ до свѣдѣнія о таковыхъ собраніяхъ, бывавшихъ у Плещеева, у Нагорнаго или Европеуса, у Кузмина и Бѣлецкаго и т. д. Кто независимо лицъ, видѣнныхъ агентомъ, на послѣднихъ шести собраніяхъ Петрашевскаго, бывалъ и на помянутыхъ сборищахъ—неизвѣстно, но нельзя было не заключать, что тутъ бывали и другіе, въ чемъ я тѣмъ болѣе убѣждался, что на собраніи, напримѣръ, у Бѣлецкаго агентъ мой самъ видѣлъ множество новыхъ лицъ разныхъ состояній и вѣдомствъ, которыхъ онъ у Петрашевскаго не встрѣчалъ. Это мое заключеніе согласуется совершенно и съ наставленіемъ Петрашевскаго агенту, каковымъ образомъ должно составлять таковыя собранія. По вскрытіи же бумагъ у арестованныхъ лицъ, обстоятельство это, по мнѣнію моему, не подлежало уже никакому сомнѣнію. Въ бумагахъ этихъ, сколько я помню, значится, что таковыя собранія были у Палѣма, Дурова и Щелкова (жившихъ вмѣстѣ) и у Монбеле.

пряжено. Тутъ недостаточно было ввести въ собраніе челоѣка только благоснамѣреннаго; агентъ этотъ долженъ былъ сверхъ того стоять въ уровень въ познаніяхъ съ тѣми лицами, въ кругъ которыхъ онъ долженъ былъ вступить, имѣть въ этой новой роли своей путеводителя болѣе опытнаго и наконецъ стать выше предразсудка, который въ молвѣ столь несправедливо и потому безнаказанно пятнаетъ ненавистнымъ именемъ доносчиковъ даже такихъ людей, которые, жертвуя собою въ подобныхъ дѣлахъ, даютъ возможность правительству предупреждать тѣ безпорядки, которые могли-бы послѣдовать при большей зрѣлости подобныхъ зловредныхъ обществъ. Такіе агенты за деньги не отыскиваются. Но я былъ столь счастливъ, что наконецъ вполнѣ успѣлъ въ этомъ, и такимъ образомъ устроилъ постоянныя наблюденія, о которыхъ почти ежедневно, а въ послѣднее время и по нѣскольку разъ въ день доносилось, что продолжалось до 23 апр. 1849 г. Изъ сего можно усмотрѣть, что не я открылъ и не я донесъ, а мнѣ указанъ былъ предметъ, который я долженъ былъ только разузнать ближе. Не знаю, успѣлъ-ли я оправдать довѣренность помянутыхъ двухъ сановниковъ, но, по крайней мѣрѣ, я не могу себя упрекнуть въ томъ, чтобы я упустилъ что-либо изъ виду въ этомъ, для меня вовсе новомъ, порученіи первой государственной важности, требовавшей вмѣстѣ съ тѣмъ особеннаго сохраненія тайны, которая въ продолженіе болѣе года и была непроницаемою, несмотря на огромную переписку, которую я долженъ былъ вести независимо словесныхъ сношеній съ множествомъ разныхъ лицъ.

И. Л.

Этотъ послѣдній обратилъ даже на себя вниманіе своего начальства, принявшаго впрочемъ оныя только за литературныя; но предметы, входившіе въ составъ преній на вечерахъ этихъ, какъ значится о томъ изъ отрывковъ, найденныхъ въ бумагахъ Монбеле, едва-ли могутъ относиться прямо къ литературѣ, а дневникъ его и другія рукописи, сколько мнѣ казалось, ясно обнаруживали организованное общество пропаганды ¹⁾. Что открылось въ комиссіи по сему предмету и какое поясненіе, чистосердечное или уклончивое, могли дать ей арестованныя лица, мнѣ неизвѣстно, и я говорю здѣсь только о томъ, что для меня не тайна.

2) Въ то же время обозначилось, что люди, принадлежащіе къ наблюдаемому обществу, находились вѣнѣ столицы, въ разныхъ провинціяхъ, и объ нихъ здѣшніе сочлены ясно говорили, что имъ поручено вездѣ стараться сѣять идеи, составляющія основу ихъ ученія, приобрѣтать обществу соумышленниковъ и сотрудниковъ и такимъ образомъ готовить повсюду умы къ общему возстанію. Бумаги арестованныхъ лицъ обнаружили, что подобными миссіонерами были: въ Тамбовѣ — Кузминъ, въ Москвѣ — Плещеевъ, въ Ростовѣ — Кайдановъ, въ Сибири — Черносвитовъ, въ Ревелѣ — Тимковскій и проч. ²⁾. Такъ какъ общество существуетъ уже съ 1842 года, то мнѣ весьма естественно было предполагать, что подоб-

¹⁾ Здѣсь не упоминаю уже о какихъ-то женскихъ литературныхъ обществахъ, коихъ слѣды найдены въ бумагахъ Серебрякова; о двухъ кругахъ, образованныхъ въ Ревелѣ Тимковскимъ, о найденныхъ у разныхъ лицъ рѣчахъ, читанныхъ, или только приготовленныхъ къ чтенію на собраніяхъ и наконецъ о литературномъ обществѣ «Пропаганды», упоминавшемся не разъ Петрашевскимъ, о таковыхъ же обществахъ, упоминавшихся Катеневымъ и Толстовымъ и проч. Все это я полагалъ себя обязаннымъ не упускать изъ виду впослѣдствіи, на первый же разъ главное мое вниманіе было сосредоточено на обществѣ Петрашевскаго. 23 апр. арестовано было 33 человѣка (независимо другихъ 5), которыхъ агентъ мой лично самъ видѣлъ на этихъ собраніяхъ (Виттъ—учитель технологическаго института, избѣгъ этой участи). Въ донесеніяхъ же моихъ упоминается свыше ста человѣкъ, которые, по моему тогдашнему мнѣнію, болѣе или менѣе должны были сочувствовать помянутому обществу. Но степень ихъ участія въ его намѣреніяхъ и дѣйствіяхъ не могла быть мною опредѣлена за скоростію послѣдовавшаго ареста. Впрочемъ, если можно было и тогда вникнуть въ тайны этого общества, такъ сказать, ошупью достигнуть до нѣкоторыхъ данныхъ, послужившихъ основаніемъ дѣлу, то въ настоящее время по имѣющимся фактамъ,—почерпнутымъ изъ бумагъ арестованныхъ лицъ, равно какъ изъ допросовъ, уликъ, очныхъ ставокъ и т. п., конечно дѣло это развернется въ самой удовлетворительной степени.

И. Л.

²⁾ Тоже можно сказать, вѣдается, объ Аристовѣ — въ Костромѣ.

И. Л.

ныя миссиі ведутся издавна и потому идеи могли быть уже постигнуты и принести болѣе или менѣе плоды въ разныхъ мѣстахъ государства. Послѣдствія, казалось, оправдали это мое предположеніе: въ письмахъ изъ Ростова, Кайдановъ говоритъ о своей паствѣ, для которой онъ переводитъ на русскій языкъ сочиненія Видермана о социализмѣ, на томъ основаніи: „чтобы доставить возможность прочесть его и тѣмъ, кто не знаетъ нѣмецкаго языка“, онъ выписываетъ и читаетъ: Консидерана, Фурриэ, Прудона, Луи-Блана, С-нъ Симона, Кабэ, журналъ Фаланжъ, La guerre des Passions, Les trois nuits internes и т. п.; говоритъ, что „онъ совершенно убѣжденъ въ истинѣ и исполнимости ученія Фурриэ, вовсе не считая себя обязаннымъ свято вѣрить à toutes les extravagances de notre Maître и проч.; благодарить (присылающихъ ему въ Ростовъ помянутыя книги) за насыщеніе хлѣбомъ духовнымъ его и всей здѣшной (Ростовской) небольшой паствы и пр.“. Паства эта, незнающая иностранныхъ языковъ, въ такомъ городѣ какъ Ростовъ, конечно должна была состоять изъ мѣстныхъ городскихъ обывателей средняго класса: уѣздныхъ чиновниковъ, а также и самыхъ купцовъ, мѣщанъ и т. п. Какой идѣ долженъ былъ разливаться отъ такой закваски въ городѣ, куда на ярмарку стекаются со всѣхъ оконечностей государства? и какъ послѣ того я не могъ не подумать, что и въ другихъ мѣстахъ, особенно такихъ, гдѣ полупросвѣщеніе болѣе распространено и гдѣ знаніе иностранныхъ языковъ сильнѣе, чѣмъ въ уѣздномъ городѣ, не завелось уже подобныя паствы? ¹⁾

3) Самая сущность общества уполномочивала меня къ заключенію, что оно необходимо должно имѣть обширныя и далеко пущенныя отрасли. По всему, что узнавалъ я, нельзя было, по моему мнѣнію, не видѣть, что это вовсе не какой-нибудь мелкій заговоръ, образовавшійся въ нѣсколькихъ разгоряченныхъ головахъ, съ опредѣленною миссію исполненія какого-нибудь преступнаго дѣйствія, въ извѣстномъ мѣстѣ и въ извѣстное время. Нѣкоторые изъ открытыхъ соучастниковъ, казалось мнѣ, могли быть точно заговорщиками въ изясненномъ выше смыслѣ этого слова: у нихъ видны намѣренія дѣйствовать рѣшительно, не страшась никакого злодѣянія, лишь бы только оно могло привести въ желаемой ими цѣли. Но не всѣ были таковы. Наибольшая часть членовъ предполагали идти медленно, по

¹⁾ Вообще всѣ письма Кайданова изъ Ростова казались мнѣ особенно замѣчательными по тому рвенію, которое онъ выказывалъ къ изученію «Апостоловъ нинивитской западной пропаганды» и по тому восторгу, въ который онъ приходилъ отъ одного чтенія оныхъ. И. Л.

вѣрнѣе, и именно путемъ пропаганды, дѣйствующей на массы. Съ этой цѣлью, въ собраніяхъ происходили разсужденія о томъ, какъ возбуждать во всѣхъ классахъ народа негодованіе противъ правительства, какъ вооружать крестьянъ противъ помѣщиковъ, чиновниковъ противъ начальниковъ, какъ пользоваться фанатизмомъ раскольниковъ, а въ прочихъ сословіяхъ подрывать и разрушать всякія религіозныя чувства, которыя они сами изъ себя уже совершенно изгнали, проповѣдуя, что религія препятствуетъ развитію человѣческаго ума, а потому и счастья ¹⁾; тутъ же было разсуждаемо о частныхъ особыхъ мѣрахъ: какъ дѣйствовать на Кавказѣ, въ Сибири, въ Остзейскихъ губерніяхъ, въ Финляндіи, въ Польшѣ, въ Малороссіи (гдѣ умы предполагались находящимися уже въ броженіи отъ сѣмянъ, брошенныхъ сочиненіями Шевченки и т. д.). Изъ всего этого я извлекъ убѣжденіе, что тутъ былъ не столько мелкій и отдѣльный заговоръ, сколько всеобъемлющій планъ общаго движенія, переворота и разрушенія. Для приведенія въ дѣйствіе этого плана очевидно нужны были пружины, расположенныя повсемѣстно, и я имѣлъ всѣ причины предполагать, что эти пружины уже устроиваются, а можетъ быть отчасти и устроены. Такъ, на примѣръ, для того, чтобъ пустить въ ходъ зажигательное истолзованіе десяти заповѣдей, назначенное, очевидно, для возмущенія простонародія ²⁾, необходимо было не только разослать эти заповѣди, но имѣть вездѣ людей, которые бы могли словесно разъяснить

¹⁾ Такъ французскіе энциклопедисты XVIII в., ослабивъ религіозныя чувства въ народѣ, приготовили революцію 1789 года. Если приготовленіе этого страшнаго переворота требовало тогда довольно долгаго времени, то единственно потому, что просвѣщеніе, или, правильнѣе сказать, грамотность не была еще достаточно распространена во Франціи. Германія же, на примѣръ, не требовала уже такого промежутка времени отъ появленія подобныхъ проповѣдниковъ до безумства, въ которое она впала въ прошломъ 1848 году. Въ настоящемъ случаѣ, казалось мнѣ, важно, что какъ тамъ, такъ и здѣсь злоумышленныя поджигатели мятежей видимо принимали за основаніе успѣха своихъ замысловъ разрушеніе религіозныхъ чувствъ, которыя одни еще въ силахъ бороться съ негнѣимы, чудовищными порожденіями нивѣйшихъ зловерныхъ идей. Рѣчи: Петрашевскаго, Толя, Бѣлецкаго, Ястржембскаго и т. п.; рукописи Катенева (одна изъ таковыхъ найдена была также у кого-то изъ арестованныхъ членовъ Петрашевскаго общества); мнѣніе и возгласы Петра Григорьевича Шапошникова, Толстова и другихъ—все это служило въ моихъ глазахъ явнымъ доказательствомъ ихъ взаимнаго соглашенія въ этомъ главномъ началѣ ихъ предначертаній. И. Л.

²⁾ Средства, употребляемыя обществомъ для распространенія своихъ идей, замѣчательны: члены онаго вступали въ разговоръ съ легковыми извозчиками во время переѣздовъ и успивались направить ихъ и ожесточить противу

ихъ (обстоятельство не разъ упоминавшееся въ донесеніяхъ моихъ) и тѣмъ подстрекать массы въ волненію ¹⁾.

4) Съ симъ вмѣстѣ, въ весьма естественной связи казался мнѣ и самый составъ общества, сколько я имѣлъ его подъ своими глазами.

помѣщиковъ и высшаго правительства. Таковыя свѣдѣнія получены изъ двухъ совершенно противоположныхъ источниковъ, которые, назависимо многихъ другихъ подобныхъ же данныхъ, не подлежатъ никакому сомнѣнію.

И. И.

¹⁾ Слѣдуя за этимъ дѣломъ, я не могъ не принимать въ соображеніе и того, что съ нѣкотораго времени начали находить въ разныхъ губерніяхъ разбрасываемыя вреднаго содержанія записки, что между народомъ проявляются разные толки, конечно не безъ цѣли распускаемыя, что поступали даже доносы и о разныхъ зловредныхъ затѣяхъ и заговорахъ (изъ коихъ одинъ, по моему мнѣнію, совпадалъ съ дѣломъ, которое я имѣлъ тогда въ рукахъ). Конечно, при первомъ взглядѣ, доносы эти могли казаться и незаслуживающими особеннаго вниманія; не менѣе того я думалъ, что они не могли же породиться сами собою (и это я въ правѣ былъ основывать на развитіи настоящаго дѣла, къ чему послужила, вначалѣ, едва-ли многимъ замѣченная причина). Впрочемъ, въ послѣднее время нападали и на нѣсколько, въ полномъ уже смыслѣ, неблагонамѣренныхъ людей, искавшихъ распространить безпорядокъ, которые и были за то подвергнуты справедливой карѣ. Въ Вильнѣ же, Минскѣ и Лидѣ открытъ уже настоящій заговоръ, имѣющій связь, по сознанію нѣкоторыхъ лицъ, съ заграничными злоумышленниками, и въ этомъ заговорѣ участвуютъ: дворяне, мѣщане, ремесленники, солдаты, преимущественно же учителя, студенты и ученики разныхъ званій, изъ которыхъ множество подвергнуто аресту—и слѣдствіе дѣятельно продолжается, и т. п. Въ особенности поражало меня тогда, какъ и теперь поражаетъ, что здѣсь и въ другихъ городахъ молодежь и даже учащіеся въ школахъ позволяютъ себѣ разсуждать слишкомъ дерзко о предметахъ, вовсе до нихъ не относящихся и проч. Наконецъ, не могъ я не принять въ соображеніе и той ужасающей прогрессіи, въ какой въ послѣдніе годы представляется возрастающимъ число преступныхъ посягательствъ на власти въ народѣ, а также и число народныхъ бѣдствій, производящихъ въ массѣ безпокойства и волненія. Такъ, наприм.: случаевъ убійства помѣщиковъ своими крестьянами въ 1846 году было 12, а въ 1848—18. Случаевъ неповиновенія крестьянъ массами въ 1846 году было 27, а въ 1848—45 (изъ нихъ въ казенныхъ селеніяхъ въ первый годъ только 2, а въ послѣдній 4); одинаково замѣчательно также и изумительное ежегодное увеличеніе прогрессіи наказываемыхъ здѣсь въ столицѣ, въ сѣвѣжнхъ домахъ: за грубость, буйство, неповиновеніе и т. п. дворянскихъ людей, посылаемыхъ ихъ господами. Наконецъ: пожаровъ въ 1846 году въ городахъ было 92, въ селеніяхъ 6,496, а 1848 году въ городахъ 199, въ селеніяхъ 10,312; обнаруженныхъ поджоговъ въ селеніяхъ въ 1846 году было 84, а въ 1848—102. (Обстоятельство это невольно напоминаетъ превія въ обществѣ Петрашевскаго, о необходимости распространенія пауперизма и о средствахъ достигать того). Такое необыкновенное усиленіе несчастій было причиною особеннаго волненія въ народѣ, для успокоенія котораго отъ разныхъ властей были посланы довѣренные люди. А какими послѣдствіями можетъ

Безъ сомнѣнiя не для чего иного, какъ съ цѣлю произвести всеобщее повсемѣстное движенiе, тутъ были вмѣстѣ люди не только разныхъ вѣдомствъ и званiй по службѣ, но и неслужащiе изъ всѣхъ сословiй: дворяне, купцы и даже мѣщане. Обыкновенные заговоры бывають болшею частью изъ людей однородныхъ, болѣе или менѣе близкихъ между собою по общественному положенiю. Напримѣръ, въ заговорѣ 1825 года участвовали исключительно дворяне и при томъ преимущественно военные. Тутъ же, напротивъ, съ гвардейскими офицерами и съ чиновниками министерства иностранныхъ дѣлъ — рядомъ находятся некончивше курсъ студенты, мелкiе художники, купцы, мѣщане, даже лавочники, торгующiе табакомъ. Очевидно, казалось мнѣ, что сѣть была заткана такая, которая должна была захватить все народонаселенiе и, слѣдовательно, чтобъ дѣйствовать не на одномъ мѣстѣ, а повсюду ¹⁾).

5) Весьма важнымъ обстоятельствомъ казалось мнѣ и то, что главную роль въ этомъ обществѣ играли наставники и воспитатели юношества, которыхъ, по испытанiи въ образѣ мыслей и въ правилахъ, старалось помѣщать повсюду. Тутъ цѣль, имѣвшаяся въ виду и послѣдствiя, какiя отъ того ожидались, слишкомъ очевидны, такъ что нѣтъ нужды о томъ распространяться: одинъ такой учитель ежегодно могъ готовить въ своихъ идеяхъ десятки, сотни молодыхъ людей, которые послѣ разсыпались во всѣ концы государства. До какой степени можетъ простираться дѣйствительный успѣхъ этого, по истинѣ, адскаго плана, я не имѣлъ ни времени, ни способвъ дознать положительно, сколько важность дѣла того требовала, но, признаюсь, одинъ только видъ такихъ задачъ, какъ, наприм., о Римской республикѣ и объ Александрѣ Невскомъ, которыя наставникъ имѣлъ духъ не только назначить воспитаннику,

сопровождаться подобное волненiе массъ, обнаружилось въ предпрошломъ году почти поголовнымъ движенiемъ всей Витебской губ. въ Петербургу, остановленнымъ уже на половинѣ пути подъ Порховымъ при посредствѣ благовременнаго и рѣшительнаго дѣйствiя вооруженной силы, — обстоятельство, показывающее вмѣстѣ, какъ легко производить подобныя увлеченiя въ толпахъ, ибо въ то же самое время такiя движенiя обнаружались еще въ трехъ губернiяхъ: Воронежской, Курской и Саратовской. Все это, я думалъ, не могло происходить безъ двигателя, достигающаго, хотя и различными путями, но до одной цѣли, до одного результата — безпорядка, анархiи.

И. Л.

¹⁾ Впослѣдствiи, какъ я слышалъ, открыто комиссiею, что была заготовлена и тайная типографiя, долженствовавшая скоро начать работу и дѣйствовать, конечно, для удобства распространенiя идей, а можетъ быть уже и для печатанiя воззванiй.

И. Л.

но и потомъ возвратить съ торжественнымъ одобреніемъ. Одинъ, говорю, видъ такихъ задачъ приводитъ въ невольное содроганіе, когда подумаешь, къ чему это вело и чѣмъ, рано или поздно, должно было кончиться ¹⁾.

Наконецъ 6) Довольно было видѣть то убѣжденіе, тотъ жаръ и, можно сказать, фанатизмъ, которымъ это общество одушевлялось въ своихъ замыслахъ. Заговорщики, руководствуемые какою-нибудь частною идеею или страстью, напримѣръ: мщеніемъ, корыстью, неудовлетвореннымъ честолюбіемъ и т. п., менѣе опасны: они не такъ легко могутъ сообщать другимъ свои преступныя чувства и увлекать ихъ въ слѣдъ за собою. Въ настоящемъ дѣлѣ, конечно, я видѣлъ и такихъ, но въ большинствѣ молодыхъ людей, очевидно, какое-то радикальное ожесточеніе противъ существующаго порядка вещей, безъ всякихъ личныхъ причинъ, единственно по увлеченію мечтательными утопіями, которыя господствуютъ въ Западной Европѣ и до сихъ поръ безпрепятственно проникали къ намъ путемъ литературы и даже самаго училищнаго преподаванія ²⁾.

¹⁾ Подобными фактами объясняются многіе и разные безпорядки, возникавшіе въ послѣдніе 10 лѣтъ въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ между учениками всѣхъ сословій и всѣхъ сословій. Спрашивается однако невольно: что же имъ было дѣлать, когда нормальное умственное ихъ положеніе такъ готовится? Предметъ этотъ, какъ я смѣю думать, и до сихъ поръ весьма важенъ и требовалъ бы полнаго и совершенно-безпристрастнаго обслѣдованія и изложенія, чтобы показать высшему правительству настоящее положеніе этого обстоятельства и дать ему возможность, если еще есть время, привлечь эту язву, заразившую въ корни всѣ отрасли нашего училищнаго преподаванія, какъ о томъ будетъ сказано ниже нѣсколько подробнѣе. И. Л.

²⁾ Въ бумагахъ у нѣкоторыхъ лицъ найдено было нѣсколько лекцій и даже цѣлыя литографированные курсы. На меня было возложено пробѣжать нѣсколько таковыхъ, что я слегка и сдѣлалъ, представивъ замѣчанія моему г. статсъ-секретарю князю Александру Федоровичу Голицыну отъ 17 мая, 17, 18 и 19 июня. Нынѣ считаю нужнымъ сказать объ этихъ курсахъ вообще, что они представлялись мнѣ наполненными самыхъ вредныхъ, въ моемъ понятіи, правилъ, которыя какъ бы съ умысломъ разбросаны по всему ихъ тексту, иногда отъ лица самого сочинителя, а чаще въ видѣ цитатъ изъ другихъ сочиненій; правилъ, развивающихъ идеи, которыя гораздо полезнѣе было бы вовсе не знать молодымъ людямъ, пока головы ихъ не сформировались. Все-же хуже, что правила эти, кстати и не кстати представленные, оставляются большею частію безъ всякой оговорки преподавателемъ и если иногда и встрѣчаются таковыя, то они такъ слабы, такъ ничтожны (а иногда и двухсмысленны), что никакъ не могутъ изгладить первоначальнаго впечатлѣнія, сдѣланнаго съ тою рѣзкостію, съ какою они большею частію высказываются. Такимъ образомъ, думалъ я, можно, пожалуй, прикрываться отъ тѣхъ, которые или не понимаютъ, или не хотятъ понимать сущности дѣла, но ученикъ, съ жадностію слушающій преподавателя, легко проникаетъ за эту слишкомъ

Слѣпо предаваясь этимъ утопіямъ, они воображаютъ себя призванными переродить всю общественную жизнь, передѣлать все человѣчество—и готовы быть апостолами и мучениками этого несчастнаго самообольщенія. Отъ такихъ людей можно всего ожидать. Они

прозрачную завѣсу.—Такъ, напримѣръ, въ одномъ изъ разсмотрѣнных мною курсовъ (найденныхъ въ бумагахъ Блещкаго) находятся слѣдующіе отзывы о республиканскомъ правленіи: «...При всѣхъ своихъ недостаткахъ и несовершенствахъ (а объ нихъ ни слова) республика имѣетъ то особенное свойство что, несмотря на отсутствіе силы, управляющей въ одномъ недѣлимомъ лицѣ,—она обладаетъ великою нравственною силою, потому что въ ней всякій гражданинъ имѣетъ право участвовать въ государственномъ управленіи и слѣдовательно долженъ получить образование, достойное этого участія. Отъ того республиканское правленіе въ особенности пробуждаетъ страсть къ дѣламъ политическимъ и къ ораторству; здѣсь каждый желаетъ быть первымъ и стремится отличиться чѣмъ-нибудь. Самыя даже безпрерывныя возмущенія и междоусобныя войны, неразлучныя съ этимъ образомъ правленія, споспѣшествуютъ бмстрому развитію духа». Вслѣдъ затѣмъ преподаватель укрѣпляетъ это примѣрами слѣдующимъ образомъ: «Это объясняетъ, какимъ образомъ въ небольшихъ греческихъ республикахъ искусства и науки могли достигнуть столь высокой степени совершенства, какъ мы ихъ получили и т. д.»—Въ другомъ подобномъ литографированномъ курсѣ (въ бумагахъ Филипова) авторъ, говоря, какъ республиканское правленіе изъ Соединенныхъ Штатовъ перешло во Францію, вдаетъ въ слѣдующія предсказанія: «Это распространеніе европейскаго духа еще продолжается и вѣроятно прекратится уже тогда, когда просвѣщеніе разольется по всему міру и такимъ образомъ соединитъ всѣ части въ одну великую государственную систему»; а далѣе, говоря о XVIII столѣтіи называетъ его, по преимуществу, временемъ революціонернымъ, потому что въ этотъ вѣкъ религія потеряла свое значеніе, что образовались республики, и выводитъ изъ того заключеніе, что «государственная система, основанная на политическомъ эгоизмѣ, не можетъ быть твердою, что въ тѣхъ государствахъ, гдѣ все полагается на войско, не прочно потому, что разъ войско разбито—все пропало и т. д.»—Вслѣдъ за такими блестящими и заманчивыми изображеніями преподаватель, для огражденія себя, можетъ, пожалуй, сказать, что «у насъ правленіе не республиканское, а монархическое» и при томъ прибавитъ нѣсколько сухихъ и официальныхъ фразъ о пользѣ монархіи (чего впрочемъ я не встрѣтилъ) и т. п.—Снисходительное училищное начальство будетъ тѣмъ довольно и не приважится къ преподавателю; но изъ учениковъ, конечно, большая часть или всѣ невольно спросятъ себя: да отчего же у насъ монархіа, а не такая прекрасная и заманчивая вещь какъ республика?! Такая мысль тѣмъ естественнѣе можетъ пробудиться въ слушающихъ, когда исторія революціоннаго времени оканчивается, напримѣръ, слѣдующею вызывательною фразою: «Еще не настало время, въ которое возможно бы было дать совершенно чистое и непринужденное сужденіе о тѣхъ замѣчательныхъ явленіяхъ, кои ни одинъ еще періодъ всемірной исторіи не былъ такъ богатъ»—и затѣмъ предоставляется каждому произнести самому свое сужденіе!

не остановятся ни на чемъ, не затруднятся ничѣмъ, ибо, по ихъ понятіямъ, они дѣйствуютъ не для себя, а для блага всего рода человѣческаго, не для настоящей только минуты, а для вѣчности.

На сихъ главныхъ основаніяхъ, подтверждаемыхъ множествомъ част-

Приведу другой примѣръ: въ лекціяхъ, найденныхъ у Пальма, замѣчательныхъ уже тѣмъ, что въ нихъ, подъ придуманнымъ заглавіемъ «законовѣдѣніе», излагается Естественное право, встрѣчаются слѣдующія мѣста: «Самое главное свойство человѣка есть то, что онъ лицо, т. е., существо, одаренное разумомъ и свободой. — Это свойство дѣлаетъ человѣка дѣлю для самого себя, и ни въ какомъ случаѣ не позволяетъ разсматривать его, какъ средство, какъ цѣль. Личность есть сознание самого себя, какъ существа свободно разумнаго; изъ понятія личности проистекаетъ понятіе права: я могу дѣлать все, что мнѣ угодно, потому что всякое дѣло мое будетъ слѣдствіемъ моей разумности. Равенство людей есть слѣдствіе единства человѣческаго рода. Существуетъ одна только природа человѣческая, слѣдовательно во всѣхъ людяхъ природа одна и та же. — Это единство человѣческой природы служить источникомъ равенства людей между собою». Приводя затѣмъ вполнѣ мѣсто изъ Аристотеля, въ которомъ доказывается, что равенства никакъ быть не можетъ, сочинитель лекцій, вмѣсто того, чтобы поддержать это ученіе древняго мудреца, столь важное для охраненія общественнаго порядка, рѣшительно опровергаетъ его такъ: «Но это совершенно несправедливо потому, что природа человѣческая не такъ различна, какъ душа и тѣло. — Мы сказали, что люди по природѣ всѣ равны, а слѣдовательно и рабства быть не должно. — Несправедливость рабства можно доказать и исторически, потому что съ постепеннымъ образованіемъ людей рабство болѣе и болѣе исчезаетъ». — Затѣмъ, продолжая разсуждать въ подобномъ духѣ о причинахъ неравенства людей, присовокупляетъ: «Третья причина неравенства людей есть феодальное и крѣпостное владѣніе: то и другое не имѣетъ нравственной необходимости и были слѣдствіемъ случайныхъ обстоятельствъ». Наконецъ вотъ и статья самого Законовѣдѣнія: «Когда законы наказываютъ преступника, то этимъ не лишаютъ его общественнаго уваженія». По такимъ образчикамъ можно судить объ общемъ духѣ преподаванія. Могутъ сказать, что я разсуждаю слишкомъ пристрастно, но таково мое убѣжденіе. — Кому говорить съ каедеды, когда онъ еще не въ силахъ разсуждать самъ собою, что равенство есть слѣдствіе единства человѣческой природы, а природа во всѣхъ людяхъ одна, что то и то не имѣетъ нравственной необходимости, а это то и то существуетъ у насъ и имѣетъ законную силу; что «лицо можетъ дѣлать все, что ему угодно и ни въ какомъ случаѣ не должно позволять разсматривать себя какъ средство; что законное наказаніе преступника не лишаетъ его общественнаго уваженія и т. д.», тому не дико будетъ внослѣдствіи чтеніе какаго-либо Фуриэ или Прудона, не трудно будетъ усвоить себѣ социализмъ, коммунизмъ, а тамъ дальше и дальше. — Разительное доказательство тому представляется въ вышеупомянутомъ мною словарѣ Кирилова, гдѣ издатель имѣлъ дерзость напечатать, между безчисленными множествомъ наполненныхъ ядомъ социализма, коммунизма и прочихъ современныхъ безумствъ, слѣдующія небывалыя на русскомъ языкѣ строки (на стр. 294) «Ученіе Христово въ первобытной чистотѣ своей нанесло сильный ударъ все-

ныхъ наблюденій и соображеній, которыя здѣсь не мѣсто излагать подробно, я постепенно дошелъ до убѣжденія, что въ дѣлѣ этомъ скрывается зло великой важности, угрожающее кореннымъ потрясеніемъ общественному и государственному порядку ¹⁾). Съ тѣмъ вмѣстѣ я чувствовалъ, что у меня въ рукахъ находятся только нѣкоторыя нити этого зла, и по этимъ-то нитямъ я полагалъ необходимымъ слѣдить тщательнѣе во всѣ стороны, по всѣмъ ихъ направленіямъ и отраслямъ. Ободреннѣе успѣхомъ первоначальныхъ дѣйствій и открытій, сдѣланныхъ мною безъ всякихъ официальныхъ средствъ и пособій (къ чему впрочемъ и родъ службы моей не вполне меня обязывалъ, но я имѣлъ на то разрѣшенія шефа жандармовъ и министра внутреннихъ дѣлъ ²⁾), я не сомнѣвался и въ дальнѣйшей полной благоуспѣшности дѣйствій по этому важному предмету, ведя оныя по начертанному мною плану, а именно:

возможнымъ инеіямъ и прорисателямъ, изболчило ихъ хищничество, коварство и деспотизмъ и въ противоположность тому, являя примѣръ безкорыстія, братолюбія, имѣя основнымъ догматомъ милосердіе, а цѣлію водвореніе свободы и уничтоженіе частной собственности (подчеркнутыя слова въ подлинникѣ напечатаны курсивнымъ шрифтомъ)—съ каждымъ днемъ привлекало къ себѣ новыхъ сподвижниковъ. Какъ ни прекрасно начало сего ученія, но оно еще не получило нормального развитія... Что на это сказало бы самое хладнокровное безпристрастіе? Вообще, по моему понятію, всѣ эти курсы безъ изыятія требуютъ строгаго пересмотра людьми, не только благонамѣренными, но и специальными, повимающими дѣло. — Это тѣмъ болѣе необходимо, что все сказанное выше совершенно согласуется съ предположеніями Петрашевскаго, Толстова, Бѣлецкаго, Голя, Ястржембскаго и другихъ дѣйствовать чрезъ учителей на юношество. — Трое изъ упомянутыхъ выше сами уже были учителями въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ, военныхъ и гражданскихъ, и хвастали въ успѣхъ своей пропаганды, а Петрашевскій и Толстовъ искали быть тѣмъ же, какъ видно изъ донесеній, сдѣланныхъ еще прежде разбора сказанныхъ курсовъ и самаго разсмотрѣнія бумагъ, вполне подтвердившихъ это предположеніе.

И. Л.

¹⁾ Можетъ быть мнѣ, повторяю, какъ новому и неопытному въ подобныхъ изслѣдованіяхъ, сущность этого дѣла казалась болѣе важною, чѣмъ она показала бы для тѣхъ, которые чаще имѣютъ возможность изучать подобныя дѣла. Но таковъ мой образъ мыслей и таково мое внутреннее убѣжденіе, вслѣдствіе котораго я не могъ позволить себѣ разсматривать это обстоятельство легче и снисходительнѣе того, какъ разсматривалъ. — Совѣсть и долгъ службы мнѣ того не позволяли, а сверхъ того, я и самъ отецъ трехъ сыновей.

И. Л.

²⁾ Впрочемъ, едва-ли не эта самая неофициальность и была главною причиною, что глубокая тайна была сохранена въ продолженіе столь долгаго времени, чего при официальномъ дѣйствіи, какъ бы оно секретно ни производилось, соблюсти было бы невозможно, въ особенности, когда размѣръ собранія свѣдѣній обнималъ такъ много лицъ.

И. Л.

6*

1. Я предполагал слѣдить за всѣми сношеніями здѣшнихъ членовъ по разнымъ мѣстамъ государства, въ особенности же за тѣми, которыя производятся чрезъ живыхъ эмиссаровъ, отправляющихся отсюда подъ разными предлогами въ разные города и губерніи.

2. Необходимымъ казалось мнѣ вникнуть точнѣе и обстоятельнѣе въ то вліяніе, которое пропаганда эта имѣетъ на разные классы общества, въ особенности же на воспитаніе юношества, заготовляющее въ молодомъ поколѣніи сѣмена столь опасной будущности.

3. Равнымъ образомъ, я полагалъ необходимо нужнымъ разузнать и разъяснить въ возможной точности, въ какой связи эта пропаганда состоитъ съ нашей литературой и вообще системою просвѣщенія, нынѣ у насъ существующею; при чемъ намѣреніе мое было стараться проникнуть не только въ настоящее положеніе этой губительной язвы умовъ, но и въ тѣ причины, которыя содѣйствовали ея происхожденію у насъ и столь могущественному усилению и распространенію ¹⁾).

4. Не бесполезнымъ казалось мнѣ обратить тщательное вниманіе на то, какія мѣста на службѣ и какое положеніе въ обществѣ занимаютъ пропагандисты: ибо симъ только могла быть опредѣлена съ достаточною вѣрностью степень ихъ силы въ настоящемъ времени,

---

¹⁾ Въ этомъ отношеніи между прочимъ весьма примѣчательно, что всевозможныя зловредныя сочиненія нынѣшней западной пропаганды продавались у насъ въ книжныхъ лавкахъ безнаказанно и разсылались по всему пространству государства. — Случай доставилъ мнѣ поводъ учредить наблюденіе за однимъ только книгопродавцемъ (Лури), и у него найдено 2,500 томовъ подобныхъ книгъ, и гдѣ? просто на подкахъ въ магазинѣ! Изъ корреспонденціи же его и изъ конторскихъ книгъ, взятыхъ за десять лѣтъ, видно, что всѣ эти запрещенныя книги требовались и разсылались въ знатномъ количествѣ по всему пространству государства. И это только отъ одного книгопродавца, а сколько ихъ и гораздо значительнѣйшихъ въ одномъ С.-Петербургѣ? Изъ полученныхъ официальныхъ свѣдѣній отъ губернаторовъ видно, что запрещенныя книги въ провинцію высылались прямо по почтѣ: изъ Риги и Дерпта. Сдѣланный тамъ обыскъ у книгопродавцевъ равномѣрно открылъ знатное же количество таковыхъ книгъ въ ихъ магазинахъ. Утвердительно можно сказать, что едва ли не каждый изъ этихъ торговцевъ промышляетъ этимъ ядомъ, чему цензура, при существующихъ постановленіяхъ, не вправѣ противодѣйствовать. — Это одно обстоятельство, по практическому моему понятію, было достаточнымъ въ убѣжденію меня въ послѣдствіяхъ, которыхъ должно ожидать отъ подобныхъ обольстительныхъ ученій, кружащихъ головы многихъ даже положительныхъ людей, но къ несчастію подчинившихся безотчетному фанатизму, что будто бы невозможно противустать духу времени, плодъ, въ моемъ, можетъ быть и ложномъ мнѣніи, малодушія, которое было единственнымъ поводомъ всѣхъ послѣднихъ безпорядковъ въ Европѣ. И. Д.

равно какъ и степень вреда, приготовленнаго ими на предбудущее время ¹⁾.

5. Съ симъ вмѣстѣ я имѣлъ въ виду собрать опытныхъ свѣдѣнiя и о томъ, какое противудiе можно противопоставить этому губительному злу, чтобы парализировать его разрушительныя дѣйствiя.

¹⁾ Изъ бывшихъ въ Европѣ опытовъ я составилъ себѣ понятiе, что всякiй заговоръ рождается въ головахъ одного или весьма немногихъ главныхъ зачинщиковъ. Они въ свои тайны посвящаютъ тоже весьма немногихъ. — Но для приведенiя въ дѣйствiе своихъ преступныхъ замысловъ, сами заговорщики всегда безсильны: имъ нужна физическая сила, которая одна рѣшаетъ успѣхъ въ открытомъ противоборствѣ съ правительствомъ. — При этомъ главные двигатели заговора имѣють правиломъ, сами оставаясь невидимыми, искать разными путями и всегда пропагандою возбуждать всѣ классы къ негодованiю на правительство, на существующiй порядокъ вещей, на лица, въ которыхъ они думаютъ видѣть себѣ преграду; и такимъ образомъ, слѣдуя методически этому плану, выжидаютъ удобнаго случая, чтобы произвести безпорядокъ, къ которому сами явно приступаютъ не прежде, какъ увидятъ, что онъ принимаетъ характеръ серьезный, согласно съ тою степенью, которую тщеславiе ихъ себѣ предначертало. — Впрочемъ и въ этомъ случаѣ осторожность ихъ простирается до того, что, начиная вмѣшиваться въ дѣло, они прикрываютъ въ началѣ дѣйствiя своего стремленiемъ ввести, будто бы, порядокъ въ происшедшей анархiи, или же подъ рукою произведенной и раздуваемой: такимъ образомъ, вступивъ на поприще, измѣряютъ средства и силы свои и тогда уже явно обнаруживаютъ себя, когда находятъ шансы къ противоборству съ законнымъ правительствомъ. — Итакъ, сами заговорщики не производятъ гласнаго всеобщаго безпорядка, а имъ нужна подготовленная, какъ сказано, разными путями физическая сила, которую составляетъ низшiй классъ, въ большихъ городахъ, или вообще чернь; эти массы негодяевъ вездѣ одинаковы и всегда болѣе или менѣе готовы къ произведенiю буйства съ цѣлю грабежа, наживы, личнаго мщенiя и даже съ одною мыслию воспользоваться и насладиться, хотя минутнымъ только безначалiемъ. — По приплатому въ Европѣ какому-то, для меня рѣшительно непонятному правилу, настоящiе двигатели этихъ массъ, если они сами не захвачены на самомъ мѣстѣ кровопролитiя, оставляются ненаказанными, хотя они и были главнымъ орудiемъ безпорядка, совершеннаго массами. — Ихъ извѣщаютъ тѣмъ, что они завлекали другихъ — сами бывъ увлечены ложными убѣжденiями, фанатизмомъ молодости, страстями, обстоятельствами жизни и т. п. Но если это такъ, то какимъ же образомъ отнять возможность къ посяганiю въ массахъ вредныхъ сѣмянъ, которыя рано или поздно, но неотмѣнно должны дать плодъ и произвести безпорядокъ? Я всегда думалъ и теперь увѣренъ, что разгонять всѣми мѣрами скопляющуюся грозу, прежде чѣмъ она успеетъ разразиться, есть единственное средство отвратить пагубныя ея послѣдствiя. — Этому-то убѣженiю слѣдуя, я почиталъ себя въ обязанности слѣдить всѣ нити порученнаго моему наблюденiю дѣла, какъ бы они при первомъ взглядѣ ни представлялись ничтожными и незаслуживающими вниманiя, ибо только эти нити, взятая всѣ вмѣстѣ, по моему мнѣнiю, могли довести, если не до самаго источника зла, то, по крайней мѣрѣ, близко къ оному. И. Л.

За двадцать или за десять лѣтъ, можно бы было удовольствоваться тѣмъ, чтобы, напавши на корень зла, подрѣзать его, и тѣмъ все бы затушилось, уничтожилось. Теперь, какъ видно, корень этотъ разросся вѣрнѣе, ядъ, можно сказать, разлился всюду и напиталъ собою весь воздухъ общественной жизни, или вѣрнѣе сказать то, что составляетъ наше общественное образованіе. Нынѣ корень зла состоитъ въ идеяхъ, и я полагаю, что съ идеями должно бороться не иначе, какъ также идеями, противопоставляя мечтамъ истинныя и здравыя о вещахъ понятія, изгоняя ложное просвѣщеніе — просвѣщеніемъ настоящимъ, преобразуя училищное преподаваніе и самую литературу въ орудіе, разбивающее и уничтожающее въ прахъ гибельныя мечты нынѣшняго вольномыслія, или лучше сказать, сумасбродства ¹⁾. Для этой борьбы, которую я считалъ и считаю единственнымъ спасительнымъ средствомъ, мнѣ казалось неизбѣжно нужнымъ извлечь изъ самаго опыта вѣрныя и положительныя указанія, какъ вести ее съ успѣхомъ, и я поставлялъ себѣ въ обязанность искать этихъ указаній во всѣхъ представлявшихся мнѣ фактахъ.

Симъ имѣю честь заключить изложеніе моего общаго мнѣнія о разсматриваемомъ дѣлѣ, которое я счелъ долгомъ высказать со всею искренностію и откровенностію, на основаніи убѣжденія, почерпнутаго мною изъ самаго дѣла и его развитія, когда оно было еще въ моихъ рукахъ, и это убѣжденіе такъ во мнѣ твердо, что я до сихъ поръ не имѣю причины отъ него отказываться.

И. П. Липранди.

17 августа 1849 года.

¹⁾ Въ этихъ случаяхъ я полагаю, что казнь за политическія преступленія оставляетъ всегда неблагоприятное впечатлѣніе въ народѣ. — Дагѣ я молчу.

И. Л.